

✦ Колонка редактора

UDC 101.1

1606-951X.2017.2.2206

Ю. М. РЕЗНИК

ЧЕЛОВЕК РЕВОЛЮЦИОННЫЙ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

***Аннотация:** Цель данной статьи — показать, что с человеком делает революция и что сам человек делает в революции, выполняя социально значимые функции. Философия призвана дать ответ на вопрос: как происходит трансформация человека обыкновенного («common human») в человека революционного («revolutionary human»)? С этим связаны конкретные проблемы, которые ставит и пытается решить автор статьи: время и ситуация формирования революционного человека; антропологические истоки и типы участников революции; субъективное восприятие людьми хода и результатов революции; трансформация фигуры революционного человека и причины его ухода с исторической арены; критерии оценки человеческого измерения революции; будущее революционности российского человека; роль философа в революции.*

По мнению автора, Русская революция 1917 г. является незавершенным проектом, поскольку до сих пор не решены её фундаментальные проблемы — геополитические, социальные, духовные и пр. А значит, фигура революционного человека продолжает воспроизводиться вновь и вновь, порождая новые проблемы общественного бытия России. Во всём этом процессе философу принадлежит рефлексивно-критическая позиция.

***Abstract:** The article is aimed to show how revolution affects a person and what a person does in the revolution in performing socially meaningful functions. Philosophy is designed to answer the question: how common man is transformed into revolutionary man? The related specific problems posed and discussed by the author are: time and situation of formation of revolutionary man; anthropological origins and types of participants of a revolution; human subjective perception of a course and results of a revolution; transformation of revolutionary man and reasons for his departure from the historical arena; criteria for assessing the human dimension of a revolution; the future of revolutionary characters of man in Russia; the role of a philosopher in a revolution.*

In author's opinion, the Russian Revolution of 1917 is an incomplete project, because its fundamental problems such as geopolitical, social, spiritual, etc., have not been solved. So the revolutionary type of man continues to be reproduced again and again, generating new prob-

lems in the public life in Russia. The position of the philosopher in this process is ought to be reflexive-critical.

Ключевые слова: человек, революция, революционность, революционный человек, функции революционности, участники революции, антропологические типы, структуры повседневности, образ жизни, человеческое измерение революции, персонализм, интернационализм, экологизм.

Keywords: human, revolution, revolutionary characters, revolutionary man, revolutionary functions, participants of revolution, anthropological types, structures of everydayness, way of life, human dimension of revolution, personalism, internationalism, ecologism.

*«Русская революция есть великое несчастье.
Всякая революция — несчастье.
Счастливых революций никогда не бывало.
Но революции посылаются Божьим промыслом,
и потому народы многому в них научаются»
(Н.А. Бердяев).*

Революция как время перемен. Проблема бытия человека в контексте революции не нова. Над её решением работали лучшие умы человечества. Я буду рассматривать эту проблему с позиций персонализма, чем и обусловлен выбор мною тем и имен (см. прим. 1). Исходный тезис моей статьи таков: каждая революция порождает свой доминирующий тип человека, а последний определяет во многом стиль революционной эпохи.

Сегодняшний российский человек живет в предвкушении перемен. Он недоволен противоречивыми действиями властей и не готов принимать навязанную ему картину мира и чуждый образ жизни (см. прим. 2). Именно в такое время и появляется революционный человек. Причина его рождения — «не наши невзгоды и не наше положение в сообществе. Исток этот — в осознании духовного беспорядка каждого из нас» [6, 25]. Сегодня хаос поселился в наших душах и рвётся наружу, угрожая бунтом.

Время перемен шире по содержанию, чем время революции или революционная ситуация. «Революционное время характеризуется необычайным эмоциональным подъёмом, воодушевлением, жертвенностью, словом, захваченностью революцией» [1]. Но этим оно не исчерпывается. Захваченность революцией делает очень многих людей несчастными, заставляя их страдать и отказываться от привычного образа жизни. Они воспринимают революцию как акт насилия и считают себя её жертвами. Поэтому я не могу их причислить к людям революции. Революционный человек — активная и заинтересованная фигура революции.

В марксистской традиции революционный человек появляется в *революционной ситуации*, которая возникает, по В.И. Ленину, при определенных условиях (см. прим. 3). Я не буду анализировать ленинское определение [5]. Мне важно понять, что побуждает человека занять революционную позицию и вообще стать революционным субъектом.

Выскажу несколько предположений об основных характеристиках революционности человека, которые являются проекциями его бытия в революционное время.

Во-первых, феномен революционности человека обусловлен ситуацией, когда «верхи не могут управлять по-старому» и в стране наблюдается острый кризис всего

политического класса, находящегося у власти (ВНМ). Следовательно, революционным человека делает невозможность и нежелание мириться с действиями (или бездействиями) властей. Это — *протестная* функция революционности (П). Она выражает потенциал сопротивления человека беспределу властей.

Во-вторых, революционность человека определяет то, что В.И. Ленин называет «низы не хотят жить по-старому», т.е. когда наблюдается «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов» (ННМ). Если следовать данному тезису, то революционным становится человек, который доведен до отчаяния крайней нуждой, невыносимым положением или угнетенным состоянием, т.е. депривацией (от лат. *deprivatio* — потеря, лишение). Эту функцию революционности человека можно было бы назвать *эмансипаторской*, поскольку она связана с преодолением его депривации и освобождением от пут зависимости (Э).

В-третьих, революционность человека объясняется тем, что Ленин называет готовностью «низов» на самостоятельные исторические выступления, которые вызревают до «способности революционного класса на революционные массовые действия». С этой точки зрения, революционным является человек, готовый перейти в активную фазу противоборства с угнетающим классом посредством индивидуальных актов или путем присоединения к массовым революционным действиям (ГНР). Эту функцию революционности человека я условно называю *активистской*.

Приведенные выше функции феномена революционности человека, производные от признаков революционной ситуации, носят в основном реактивный характер и не исчерпывают собой всей её полноты. И формула революционной ситуации этим не исчерпывается ($PC = ВНМ + ННМ + ГНР + ?$). Нельзя сбрасывать со счетов ожидания, надежды и чаяния людей, связанные с революцией. Они видят в ней средство решения наиболее острых социальных проблем. У каждого человека возникает свой положительный образ будущего, которое с высокой долей вероятности наступит после свершения революции. Чаще всего он руководствуется социальной утопией, которую ему предлагают интеллектуальные лидеры. В основе же любой утопии лежит рационально обоснованный миф о желаемом будущем, который необходимо добавить к характеристике революционности человека (+РОМ).

Как бы там ни было, человек грезит будущим, уповая на то, что революция даст ему и его близким спасение. Вместе с тем она принесет освобождение от старых духовных пут и расчистит дорогу к новому социальному порядку. На этом пути человек может поддаваться чужому влиянию, заблуждаться, испытывать разного рода иллюзии. Поэтому, в-четвертых, надо назвать *утопическую* функцию (У), которая выражает не всегда оправданные или не совсем обоснованные ожидания участников революционного процесса, базирующиеся на какой-либо утопии (например, «коммунизм» или «общество всеобщего благоденствия» и пр.).

В-пятых, революция разрушает устои общественной жизни и принципиально меняет картину мира. Она перестраивает структуры повседневности людей, затрагивая экзистенциальные основы их жизни. Поэтому следует выделить еще *деструктивную* функцию революционности человека (Д). «Когда тебе бросают запредельный вызов, — подчеркивает С.А. Смирнов, — то и отвечать приходится чрезмерностью, запредельно — так, чтобы бросающий вызов сам ужаснулся» [10]. Разрушение старого, а не бегство из страны, как раз и есть тот самый запредельный ответ. И все те, кто сегодня устраивает экономический, политический и правовой беспредел в стране,

должны отдавать себе отчет в том, что когда-то наступит беспощадный ответ. В стране, где нет культуры свободного бытия, нельзя быть уверенным в стабильности собственного существования.

И, наконец, в-шестых, надо отметить, что революция не завершается захватом власти и установлением нового политического строя, при котором угнетенные ранее слои общества получают возможности для социально-исторического творчества, в т.ч. строительства новых социальных институтов. На мой взгляд, это — главная функция революционности человека. Она состоит в *созидании* новых образов культуры и социальности (С). И здесь уже обнаруживается разрыв между ожиданиями человека, его утопией (У), которой он руководствовался накануне революционных событий, и тем, что произошло в опыте социальных преобразований.

Таким образом, революция и революционный человек как феномены выходят на историческую сцену в особую эпоху — эпоху перемен (в ленинской трактовке — в революционной ситуации). В феномене революционности человека соединяются, на мой взгляд, такие сущностные черты или функции, как протест (П), эмансипация (Э), активизм (А), утопизм (У), деструкция (Д) и социальное созидание (С). Причем первые четыре характеристики являются реакцией на преодоление деформированности социальной действительности (дисфункциональности, угнетенности, неустроенности, несправедливости, ограничений прав и свобод и пр.). Пятая функция характеризует направленность революционности на разрушение основ общественного строя. И только последняя, шестая, функция выражает конструктивный характер социальных преобразований. Без неё человек не достигает уровня революционной зрелости, ограничивая свои действия обыкновенным бунтом.

Русская революция как незавершенный проект. Я не ставлю под вопрос онтологический статус самой Русской революции и не склонен опускаться до спора «революция или переворот?». Дело не только в изменении общественного строя, но и в разрушении структур жизненного мира человека, мира его повседневности [1]. В один прекрасный день он просыпается и обнаруживает, что прежнего, привычного и понятного ему мира больше нет. Нет, его не отменили революционным декретом и не забыли включить в программу. Он был вычеркнут из повестки дня самым ходом революционных событий, которые перевернули основы человеческого бытия. Так произошло с большинством граждан Российской империи весной — осенью 1917 г. Последняя перестала существовать как определенная историческая реальность вместе с соответствующей ей картиной мира. В какой-то мере революционная идеология есть переопределение реальности, замена одной картины мира другой (см. [1]).

Главный итог Русской революции — её незавершенность. Вот уже почти 200 лет Россия беременна революцией, но она никак не может разродиться здоровым ребенком. Всякий раз, когда она пытается это сделать (1825, 1861, 1905, 1917, 1991), случаются выкидыши или прерванные акты, которые заканчиваются контрреволюциями и вырождаются в очередной вариант деспотизма. Вот почему в среде некоторых западных политиков так живуче мнение о патологической неспособности русских к демократической революции и демократии вообще. Но дело не столько в них, сколько в нас.

Сегодня, как и сто лет назад, не решены фундаментальные проблемы, которые ставили и пытались решить революционеры всех поколений. Это — *геополитическая* проблема (выбор модели цивилизационного развития, участие в построении спра-

ведливого мироустройства, в котором Россия займет, наконец, достойное место), *социальная* проблема (утверждение принципов социальной справедливости, обеспечение свободного доступа всех людей к общественным благам и равенства их шансов на получение качественного образования, медицинских и прочих услуг), *национальная* проблема (интеграция народов России на основе общих культурных традиций и ценностей, реализация принципов федерализма и интернационализма), *духовная* проблема (формирование духовного единства общества посредством гармонизации общекультурных, правовых, нравственных и религиозных интересов, реализация принципов служения и уважение к человеческому достоинству) и др. Еще я бы хотел выделить отдельно *гуманитарную* проблему, решение которой позволит кардинально изменить положение человека как основного ресурса и вместе с тем цели развития российского общества (производство всего комплекса условий для счастливой и долголетней жизни, бережное отношение к структурам повседневного мира).

У нынешних поколений людей имеется исторический шанс для мирного и ненасильственного завершения проекта Русской революции. Нужны только политическая воля власть имущих, гражданское мужество и духовное подвижничество многих российских граждан. Пора, наконец, осуществить общенациональное примирение и приступить к обустройству нашего общего дома бытия.

Человеческие лики революции: драма или духовный подъем. Мнения о революции, как и мнения о лицах, её совершающих, весьма разнообразны. В свою очередь я не стану идеализировать революционность масс и отдельных людей. Мне хочется представить срез феноменального сознания, который высвечивает в большей степени человеческие (антропогенные), а не социальные или политические лики революции.

Другими словами, в данном случае меня интересует революция как субъективная (и интересубъективная) реальность, конституируемая вначале как феноменальный мир и интерпретируемая (реконструируемая) в дальнейшем философами и историками. Разумеется, философы обращают внимание на общие черты феномена революции, о котором им что-либо известно, но они не могут быть объективными в оценке происходящих событий и каждый раз предъявляют свои ценностные предпочтения.

Главный исток всякой революции — социальная депривация, выражающаяся в осуществлении систематического насилия над человеком, в т.ч. в его беспощадной эксплуатации, угнетении, подавлении и т.п. Не случайно А.П. Огурцов связывал революцию (особенно мировую) с культом насилия, сломом государства, диктатурой пролетариата и, в конечном счете, с авторитаризмом диктатора, репрессиями со стороны карательных органов [8].

Следовательно, у революции много лиц, и практически каждое из них определяется совокупностью факторов. Поэтому одни люди воспринимают её как личное несчастье или драму, массовое безумие, деструктивный хаос, а другие — как коллективную попытку преодолеть угнетение (ответить насилием на насилие) и тем самым улучшить своё положение в обществе.

Представлю теперь некоторые аспекты субъективного восприятия человеком революции.

Революция есть неизбежное несчастье и историческая драма людей. Свою статью я начал с эпиграфа, взятого из очерка Н.А. Бердяева «Размышления о русской революции», который настаивает на том, что счастливых, хороших и удачных революций не

бывает [2, 438]. А значит, если следовать его логике, революция – это неизбежное зло, которое обрушивается на головы людей помимо их воли. «Революции я считаю неизбежными, они фатальны при отсутствии или слабости творческих духовных сил, способных радикально реформировать и преобразовать общество» [3, 111-112].

Вместе с тем, революция призвана испытать людей, провести их по темному коридору невзгод и драматических событий, в конце которого должен быть виден свет. Можно, конечно, не соглашаться с Бердяевым, но он прав в одном: любая революция делает огромную массу людей несчастными, а их судьбы драматичными и даже трагичными. Значит ли это, что моральная оценка революции является определяющей в её философско-антропологическом анализе? Разумеется, нет. Но она указывает на человеческую цену революции и её пагубные последствия для жизни конкретных людей, которые волей или неволей оказались втянуты в революционные события. Многие из них заплатили своими жизнями и поломанными судьбами за осуществление чьих-то социальных идеалов.

Революция – удел «угнетенных и обездоленных». Чаще всего в дискурсе о революции подчеркивается фактор угнетения масс и их нежелание далее мириться со своим ухудшающимся положением. Так, в социальном плане революция предполагает существование обездоленных и угнетенных, на защиту и освобождение которых выступает революционный человек. Об этом пишет, в частности, Э. Мунье, подчеркивая, что «угнетение – это разрыв в вертикальном движении духовной жизни человечества...» [7, 28]. Революции предшествует высокая степень аморальности и бездуховности общества, которая доводит до абсурда прежний духовный порядок и требует пересмотра мировоззренческих и нравственных оснований бытия человека, порождая вокруг него духовно-нравственный вакуум.

Поэтому эмансипация человека означает преодоление его угнетенности и нравственное очищение общества. Каждая революция предлагает свой путь выхода из духовного кризиса, формируя попутно новый тип человека и новую революционную мораль.

Революция – дело «недовольных и озлобленных» людей. Н.А. Бердяев и другие русские мыслители убеждены, что революция, как и всякая смута, делается озлобленными людьми, которые вымещают своё недовольство собственной жизнью и социально-экономическим положением. «Слишком многие люди эпохи революции хотят по своему направить её и очень озлоблены, что это не удается» [2, 439].

Но, кроме озлобленных и недовольных, существует еще категория протестующих людей. Их протест связан с нарушениями их неотъемлемых прав или ограничениями свободы. Недавно (21 сентября) одного из участников манифестации в Париже журналисты спросили: «Почему Вы здесь?». Он ответил: «Потому что я – революционер». И далее стал говорить что-то о борьбе с мировым капиталом. Скорее всего, марксистская риторика здесь используется как соус для приправы революционных блюд (см. прим. 4).

Но вернусь к теме недовольных. А.М. Бекарев и П.К. Пак убеждены, что недовольные могут объединяться в группы или союзы и даже совершать революции, когда эмоциональный накал достигнет своего апогея [1]. Честно говоря, меня этот тезис смущает. Получается так, что слишком тонкая грань разделяет гражданский мир и революцию (или гражданскую войну), если достаточно собрать группу недовольных людей и организовать их в союзы, чтобы возникла революционная ситуация. Недо-

вольные не совершают революцию. Они в ней участвуют на вторых ролях. Их протестный потенциал используют, как правило, профессиональные революционеры.

Революция есть «борьба за торжество справедливости». В чём же заключается миссия социальной революции? Один из ответов — в поиске и достижении социальной справедливости, которая представляется многим участникам революционного процесса в виде выстраданной ими правды. Так, главный герой фильма «Брат» говорил, что сила заключается в правде. Вот только остаётся выяснить, в чем состоит данная правда у каждого революционного субъекта. Возможно, правда одного русского революционера коренится в отстаивании и защите идеи русского мира (или имперской идеи в широком смысле). Правда же других революционеров зиждется на обостренном чувстве справедливости и достижении социального равенства.

Однако в реальности революция приводит к ещё худшим последствиям и большей несправедливости, устраняя правовые и нравственные перегородки, защищающие многие слои людей от деструктивных воздействий. В результате Русской революции «... социальный переворот приводил не к восстановлению справедливости, а лишь к стремительному размаху маятника социальных отношений в противоположную сторону» [4, 244]. Всё, что ставилось в вину старому режиму (правонарушения, обыски, аресты, казни и убийства), получило распространение сразу же после захвата власти большевиками. Они практиковали насилие и чинили новую несправедливость, прикрываясь лозунгами революционной борьбы и полагая, что «так и надо», другого пути нет. В результате были уничтожены целые социальные слои и разрушен тонкий культурный слой, на восстановление которого потребовались целые десятилетия, если не столетие.

Следовательно, справедливость, будучи одним из идеалов революции, имеет четкие социальные корни. То, что справедливо для одних социальных групп, несправедливо для других. У каждого поколения революционных людей имеются свои представления о справедливости, которым они следуют, когда приходят к власти. И эти представления не совпадают с представлениями большинства других социальных групп, отстраненных или дистанцированных от власти. Их правда остаётся неустребованной и игнорируется власть имущими.

Революция есть акт высвобождения звериного начала в человеке. С.А. Аскольдов считал, что Русская революция разбудила в народе зверя и выпустила его на свободу. Демократическая фаза революции быстро отошла на второй план, уступив место разграблению собственности прежних господ. «Социальная революция на фоне русской действительности, несомненно, не выдержала испытания даже с точки зрения пользы. Русскому народу, по существу, не было никакого дела до социализма и вообще каких-либо теорий; ему нужна была только земля, власть и связанные с достижением этой власти материальные блага, более же всего — освобождение от тяжестей войны» [4, 242].

Возможно, это и так. Но только народ не представляет собой единой революционной силы и является дифференцированным целым. И не стоит противопоставлять народ и революционеров. Последние — плоть от плоти представители своего народа и ими остаются даже тогда, когда противопоставляют себя ему.

Революция как духовный подъем человека. Однако для многих представителей революционной общественности революция становится не только смыслом бытия, но и делом жизни. Они находят в ней одновременно идейное вдохновение и рутинное повседневное занятие.

Н.А Бердяев пишет: «Революционность, присущая моей природе, есть, прежде всего, революционность духовная, есть восстание духа, то есть свободы и смысла, против рабства и бессмыслицы мира» [3, 110]. Рассказывая о своём революционном прошлом в «Самопознании», он особо ярко описывал социал-демократический период своей деятельности, когда он, будучи в тюрьме, испытывал чувство большого подъема, почти экстаза, и воинственности [3, 120].

Следовательно, Бердяев говорит о своей революционности скорее в духовно-нравственном, чем в политическом смысле. Поэтому он так и не смог, по его же словам, смириться с тоталитарной революционностью большевиков. Думаю, что уважаемый мыслитель немного лукавит. Его сильная и даже неистовая увлеченность идеями социализма известны многим, а вот нелюбовь к революции и революционерам явно преувеличена.

О духовной стороне революционности писал также Э. Мунье: «Мы революционеры в двояком плане, но только во имя духа. Во-первых, мы революционеры, потому что человечество продолжает существовать, потому что жизнь духа — это победа над нашей леностью; мы должны постоянно встряхивать себя... Во-вторых, мы революционеры 30-х годов: современный мир до такой степени покрылся плесенью, что, для того чтобы дать возможность пробиться новым росткам, нужно сокрушить эту изъеденную червями массу... Революция делается не силой, а духом. Дух — это владыка жизни» [7, 31].

Таким образом, в субъективном восприятии людей, переживающих революцию, последняя предстаёт, с одной стороны, как удел угнетенных и недовольных, у которых рвётся наружу их звериное начало, а с другой, как справедливая борьба за высокие идеалы, полная духовного подъема и стремления к нравственному очищению. В этом заключается противоречивый дух самой революции, который пронизывает собой также и картину мира человека.

Человек революционный — фигура исторически переходящая и драматическая. Революция не происходит по рациональному плану, который вырабатывается в тиши кабинетов. Она не свершается в небесах, а случается, как дурная неизбежность на нашей грешной земле.

Стало уже общим местом рассуждать о революционных субъектах как о фигурах, низвергаемых с пьедестала, как о первом эшелоне деятелей, которые неизбежно станут жертвами и заложниками революции. К их числу Бердяев причислял и большевиков, которые вскоре потеряли контроль над ситуацией. Их смела волна контрреволюции. «Большевизм есть рационалистическое безумие, мания окончательного регулирования жизни, опирающаяся на иррациональную народную стихию. Рационализм же либеральных политиков, готовый признать и некоторые права за иррациональным, ни на какую стихию не опирается. Большевик был извращенным, вывернутым наизнанку осуществлением русской идеи, и потому он победил. Помогло то, что у русских очень слабо иерархическое чувство, но очень сильна склонность к авторитарной власти. Ни о каком правовом, конституционном государстве русский народ и слышать не хотел» [2, 441].

Но большевики первой волны («ленинская гвардия») ушли первыми с исторической арены. Судьба В.И. Ленина, которого не зря называли кремлевским мечтателем, и его сподвижников является тому ярким свидетельством. Они так и не успели воспользоваться в полной мере плодами своих революционных побед. И, как считает

Бердяев, революциями Бог карает её инициаторов и даже целые народы за то, что они свергли свои страны в стихию и смуту.

Сталин и его сподвижники не были идеологами революции, хотя и подверглись революционной болезни. Они занимались рутинной организационной работой и пришли на смену революционерам-романтикам благодаря своей изворотливости и приспособляемости. Сталинизм, как и бонапартизм, — типичный исход революции и её переход в стадию контрреволюции. На смену революционерам всегда приходят контрреволюционеры и новые «господа», которые приносят ещё более кровавый порядок. А потому контрреволюция в России не стала освободительным процессом, к чему призывал Н.А. Бердяев, а напротив, привела к укреплению тоталитарных тенденций в обществе и окончательно перечеркнула цели Русской революции. Она породила ещё более страшное чудовище, победить которое так и не удалось до конца в наши дни.

Удивительно, что эти слова актуальны и сегодня. Мы всё ещё продолжаем внутренний диалог со своим Сталиным. И по-прежнему имеем дело с большевизмом (в смысле систематического применения средств насилия), хотя и с другой политической окраской, и с контрреволюцией, которую возглавили наиболее радикальные либералы. И, несмотря на многочисленные попытки провести либеральные реформы в нашей стране, мы всё так же далеки от идеала правового и демократического государства. Какую бы демократию мы не строили, всё заканчивается очередным вариантом авторитаризма или тоталитаризма. А значит, Русская революция продолжается. Она не решила своих ключевых проблем. И революционный человек так и не выполнил свою историческую миссию, продолжая вновь и вновь воспроизводиться как антропологический тип, хотя уже и в иных социокультурных условиях.

Следовательно, практически каждый революционный человек несёт в себе вместе с революционностью элементы тоталитаризма. И чтобы обрести подлинную свободу, ему, по словам великих русских философов, необходимо пройти духовное очищение и совершить истинное покаяние, чтобы избавиться от греховных пут. И еще ему надо преодолеть в себе рабство.

К типологии феноменов революционного человека. У революции есть не только своё человеческое лицо, но и свои особые типы человека, которого я называю революционными (см. прим. 5).

Я согласен с Бердяевым в том, что новый антропологический феномен — «чинновник-буржуа», порожденный Русской революцией [2, 458], отвратителен, но каков же тогда альтернативный тип? Лично для меня таким типом является эко-деятель, который должен прийти на смену эго-деятелю как детищу буржуазной эпохи со всей её цинизмом, холодным расчетом и аморальностью. Мне также импонирует деление социальных групп на «белых», «серых» и «черных», предложенное братьями А. и Б. Стругацкими в повести «Трудно быть богом» (см. прим. 6). Имеются и другие типологические схемы, которые можно использовать с учетом дополнений для характеристики участников революционного процесса (см. прим. 7).

Однако я не склонен в отличие от других исследователей противопоставлять интеллигенцию и народ. Революционные интеллигенты (И) — наиболее непримиримые интеллектуальные представители народа, которые претендуют на выражение его исторической миссии и предлагают собственные проекты будущего («социальные утопии»), обладающие притягательной силой. Они занимаются, как правило, просветительской, проектно-консультативной и издательской деятельностью в революции.

Народ же включает в себя и другие категории участников революции. Большинство из них составляют массовые индивиды (М), реализующие функции протеста, эмансипации и активизма. Их сила в объединении и коллективном участии. Некоторые из них могут быть людьми творческих профессий, что не исключает их в целом зависимую и ведомую позицию в революционном процессе. Напротив, профессиональный революционер (будь то интеллеktуал или практик; далее – Р) занимает ведущие (лидерские) позиции в революционной деятельности.

Революционерами не рождаются, ими становятся в силу личных предрасположенностей или обстоятельств, а чаще всего, того и другого вместе. Причём в революцию идут также представители благополучных семей, принадлежащих к средним слоям общества. Так было в XIX–XX вв. Неизвестно, стал бы В.И. Ульянов (Ленин) революционным деятелем, если бы не случилась личная трагедия, связанная с казнью его старшего брата.

Для описания портрета профессионального революционера приведу зарисовку образа Феликса Дзержинского, взятую из книги Н.А. Бердяева «Самопознание»: «Дзержинский произвел на меня впечатление человека вполне убежденного и искреннего. Думаю, что он не был плохим человеком и даже по природе не был человеком жестоким. Это был фанатик. По его глазам, он производил впечатление человека одержимого. В нем было что-то жуткое. Он был поляк и в нем было что-то тонкое» [3, 240]. Как всегда в публицистике Бердяева мы встречаем соединение несоединимого – «жуткий», но не жестокий, «тонкий», хотя и одержимый. Фанатизм, одержимость, полная погруженность в революционную борьбу и практическое знание её методов и технологий – вот далеко не полный перечень личностных качеств революционера.

Ещё один классический пример профессионального революционера – Эрнесто Че Гевара, который был убежден, что революцию нельзя сделать без стрельбы и насилия есть неизбежный шаг в революционной борьбе. Он называл себя солдатом революции, которому не чужда жажда крови. Однако его знакомство с марксизмом и другими социальными теориями нельзя назвать поверхностным. Вместе с высшим медицинским образованием он получил хорошую идейно-теоретическую подготовку. Кроме того, он был убежден, что врач должен посвятить свою жизнь улучшению условий жизни трудящихся. Романтик, любящий стихи, и беспощадный палач в одном лице. При описании образа Че Гевары выделяют обычно романтические черты (преданность делу революции, аскетизм, решительность, прямолинейность, артистизм, энергичность, душевность и проницательность). А его густая и черная шевелюра, черны́й берет вместе с выпуклым лбом уже давно стали брэндом революционности. А как же быть тогда с его жаждой крови, которую нельзя утолить в принципе, сколько бы жертв революции не пришлось принести?

Обобщая сказанное, хочу предложить социально-антропологический портрет революционного человека, который составлен в соответствии с характером его участия в революции, а также с учетом предъявляемых к нему функциональных требований (см. табл. 1).

Таким образом, революционный человек выступает, на мой взгляд, в трех основных ипостасях, у каждой из которых имеется своя целевая установка (мотивация):

– *массовый участник* революции («исполнитель» – МИ) стремится к консолидированному участию в ней, которое должно привести к преодолению угнетенного состояния, расширению сферы доступа к жизненно важным благам и улучшению своего социального положения;

Табл. 1. *Антропологические типы революционного человека*

Типы революционного человека	Основные функции революционности и ролевые позиции	Социально-антропологическая характеристика революционных деятелей: типические черты и формы деятельности
Массовые участники ("исполнители", люди, захваченные революцией)	Протест ("недовольные"), эмансипация ("угнетенные"), активизм ("рядовые участники"), деструкция ("разрушители")	Типические черты: "Люди толпы", не имеющие четко осознанных интересов, легко поддающиеся чужому идейному влиянию и готовые в силу определенных причин участвовать в революционных акциях под предводительством более опытных революционеров. Преобладающая форма деятельности: эпизодическое политическое участие.
Революционные интеллигенты ("миссионеры")	Утопизм ("проектировщики") и созидание ("новаторы" и "исполнители")	Типические черты: Идеалисты и романтики, авторы оригинальных картин мира и разработчики проектов будущего, не имеющие практического опыта революционной работы, но способные на плодотворное сотрудничество с революционерами-практиками. Преобладающая форма деятельности: просветительская, проектно-консультативная и издательская деятельность.
Профессиональные революционеры ("демиурги - основная деструктивная и творческая сила")	Активизм ("организаторы" и "боевики"), утопизм ("идеологи" и "политтехнологи"), деструкция ("разрушители"), созидание ("лидеры")	Типические черты: Фанатики, одержимые идеей и владеющие в совершенстве различными (в т.ч. военными) методами и технологиями революционной борьбы. Всем ходом своей предыдущей деятельности готовят себя к захвату и удержанию власти. Преобладающая форма деятельности: профессиональная политическая и идеологическая борьба.

– *революционный интеллигент* («миссионер» – ИМ) занят созданием и продвижением собственной картины мира или проекта будущего, отстаивая своё право на авторство;

– *профессиональный революционер* («демиург» – РД) нацелен в первую очередь на завоевание и удержание власти при весьма неизбирательном отношении к средствам деятельности.

Еще один отряд участников революции – те, кого называют «врагами революции». К ним относятся представители правящего класса, а также его слуги. Именно на них направлен весь революционный пафос. Так, Л. Троцкий в своём главном труде «История Русской революции» язвительно писал о том, что Николай II обладал «скудостью внутренних ресурсов, слабостью нервного разряда и бедностью духовных ресурсов» [11, 31]. Он считал, что многим правителям их ноша оказывается не по плечу. Это же можно сказать и о некоторых постсоветских политических деятелях России.

И, наконец, каждая революция порождает своих «оппортунистов». Для большевиков, победивших в ходе революции, такими оппортунистами были вначале меньшевики, а затем эсеры и анархисты. На стадии контрреволюции, которую возглавил И.В. Сталин, они были фактически уничтожены или ушли с политической арены добровольно.

Совершенно особняком стоят «спонсоры» революций (СР), а также «заказчики» государственных переворотов и цветных революций (ЗР), а также финансируемые ими СМИ. И их в полной мере можно считать четвертой силой революции, хотя они не склонны рисковать физически или морально, предпочитая роль закулисных кукловодов.

Распределение социальных ролей внутри революционного сообщества совершенно предсказуемо. Конечно, ведущие (лидерские), направляющие и сильно мотивированные роли принадлежат профессиональным революционерам (РДЛ), консультативные – интеллигентам (ИМК), а ведомые (зависимые), направляемые и слабо мотивированные – массовым участникам (МИЗ). При этом последние являются наиболее депривированными деятелями, которые нуждаются в защите и идейной помощи «старших» товарищей, роль которых выполняют соответственно интеллигенты (большой частью умозрительно) и революционеры (преимущественно практически).

Соотношение различных типов революционных людей в конкретной ситуации взаимодействия определяет характер революционных событий:

– «*бунт*» – ситуация, когда революционеры и интеллигенты под давлением масс совершают попытку захвата власти; при этом участники событий не имеют четкого плана и действуют во многом «в слепую», используя протестный потенциал массовых участников (М–Р–И);

– «*заговор*» – ситуация, при которой революционеры под влиянием интеллигентов готовят государственный переворот; цель деятельности – свержение руководящей части элиты без существенной смены элиты в целом (И–Р–М);

– «*государственный переворот*» или «*путч*» – захват власти, осуществляемый революционерами с участием масс без последующей смены всей элиты; при этом интеллигенция фактически отстранена от выработки революционной программы (Р–М–И);

– «*революция*» в её классическом понимании – ситуация, когда происходит полная смена элит и радикально меняется структура повседневного мира массовых участников; при этом интеллигенты сменяют позицию критиков существующего режима на позицию идейных защитников и идеологов нового режима (Р–И–М).

Итак, революционный человек имеет несколько ипостасей. В зависимости от его задатков и ситуации в нём может проявиться тот или иной тип – массовый индивид, интеллигент или профессиональный революционер, соотношение позиций между которыми определяет в свою очередь вид революционных событий (бунт, заговор, переворот, революция). Их деятельность направлена против «врагов революции» и тех, кого принято считать оппортунистами. Образ же революционера внутренне противоречив. В нём сочетаются фанатичная убежденность в собственной правоте и сомнения в личной непогрешимости, неоправданная жестокость и тяга к социальной справедливости, желание разрушить «до основания» старый мир и стремление построить новый, лучший мир.

О критериях оценки человеческого измерения революции. И следующий вопрос, который я хотел бы вкратце затронуть, заключается в том, что для оценки человеческого фактора революций, в т.ч. участников событий 1917 г., а также последствий их существования, нужны четкие критерии. Можно сколько угодно отрицать феномен революционности масс или сетовать на узурпацию власти теми или иными субъектами, но суть вопроса при этом не будет раскрыта, если мы не разберемся в бытийных основаниях революционной деятельности и не поймём, *как изменилось качество человеческого бытия.*

Один из критериев заключается, на мой взгляд, в том, чтобы показать, как и какой ценой достигаются революционные изменения на феноменальном и практическом уровнях. Можно предположить, что если эти изменения ведут к росту пространства свободы человека и к увеличению объема справедливости, то следует считать данную революцию исторически оправданной. Но кроме фактора свободы, существуют ещё и другие критерии (например, рост материального и психологического благополучия людей, возможности для их творческой самореализации и пр.).

Каждая группа революционеров, пришедшая к власти, вынуждена поддерживать развитие человеческого потенциала. Это относится ко всем поколениям революционеров. Лучше всего об отношении победившей революционной власти к науке и культуре высказались в своё время А. и Б. Стругацкие. Они настаивали на том, что революция как эпоха гигантских социальных потрясений сопровождается «невиданным

ранее развитием науки и связанным с этим широчайшим процессом интеллектуализации общества» (см. прим. 8). И она прокладывает себе дорогу вопреки сопротивлению реакционеров и консерваторов.

Как известно, Стругацкие не считали себя прогрессистами. Однако их основной пафос понятен. В современную эпоху революционная власть, чтобы сохранить себя, должна вкладывать силы и ресурсы в науку, образование, искусство и другие наукоемкие и интеллектуально насыщенные области деятельности, одним словом, в сферу расширенного производства человека. Только так страна сохранит себя как социокультурная целостность и будет иметь шанс на собственное будущее.

Второе, не менее важное, требование к субъектам революционных изменений таково: создаваемая в ходе революции общественная система должна соответствовать уровню развития человеческого потенциала и никоим образом не сковывать его движение вперед. Другими словами, она должна быть человекообразной.

Критерий же человекообразности самой революции дифференцируется далее на вполне очевидные частные требования, которые не нуждаются в развернутом обосновании. В ходе революционных изменений происходит не только трансформация государственного устройства. Важнейшая цель всякой революции — *сохранение творческого потенциала и производство нового типа (феномена) человека*, соответствующего не только представлениям победившего политического класса, но и национальным интересам всей страны.

Кроме того, любая революция, чтобы быть успешной с точки зрения критерия изменения качества человеческого бытия и тем самым — для получения исторического признания потомков, должна:

— постепенно, а не радикальным образом изменять вначале политический строй (краткая протяженность), потом социум и мир культуры (средняя временная протяженность) и только затем — структуры повседневного мира человека (длительная временная протяженность);

— решать в первую очередь острые социальные проблемы старого общественно-го строя (режима) и, прежде всего, увеличивать объем социальной справедливости;

— создавать равные шансы для всестороннего развития и творческой самореализации всех социальных слоев общества;

— способствовать расцвету науки, образования, медицины и других институтов культуры, связанных непосредственно с расширенным производством человека;

— формировать предпосылки для дальнейшего развития гражданской активности и самодетельности людей, открывая простор их социальному творчеству и создавая условия для общенационального примирения.

Революции, которые соответствуют указанным требованиям, могут называться в полной мере гуманитарными (см. прим. 9). Вопрос же о гуманитарном статусе Русской революции 1917 г. остаётся открытым и нуждается в дальнейшем изучении.

Что же дальше? Мы живём во времена контрреволюции, которая прервала романтический этап демократии и гласности, соединив в себе признаки «застоя» в общественной жизни и чиновничий беспредел в управлении государством. Но криминальная революция 1990-х гг. не могла породить ничего другого, кроме олигархического режима. Обещанный М.С. Горбачевым «социализм с человеческим лицом» был снят с повестки дня без каких-либо общественных дискуссий. Контрреволюция отбросила общество назад от декларированных ранее идеологами перестройки целей и

окончательно закрепила результаты государственного переворота (в первую очередь — господство группы олигархов, вступивших в сговор с ненасытной государственной бюрократией).

Однако отрицательный диагноз негативных последствий революции (и её последующего перерастания в контрреволюцию) не должен затенять её жизнеутверждающих интересов. «Никакая жизнь не может быть создана отрицательным, в основу её должно быть положено положительное. Наша любовь всегда должна быть сильнее нашей ненависти» [2, 444]. И чтобы восстановить тонкий культурный слой, о котором писал Бердяев, необходимо заняться созидательным трудом, преодолевая шаг за шагом кровавую стихию революции. Движение вперед затрудняет усиливающийся раскол между верхними и нижними слоями населения, который сто лет назад и привел к революции. На новом витке исторического развития мы опять вернулись к старым дилеммам: «богатые — бедные», «сильная государственная власть — слабое гражданское общество». Радикалы по-прежнему стремятся к централизации и абсолютизации власти.

И что делать теперь революционному человеку в России? Есть ли ему место в обществе? Насколько востребованы в массе людей извечные стремления революционеров «разрушить до основания и потом» или «забрать и поделить», которые по какому-то недоразумению приписывают коммунистам? Но ведь то же самое делают нынешние реформаторы, уничтожая промышленность, образование и науку, а также самым наглым образом перераспределяя в свою пользу ресурсы страны.

Значит ли это, что революционный человек исчезает как исторический феномен? Нет, конечно. Но он еще не сказал своё последнее слово. Его место занял контрреволюционер, который живёт среди нас, продолжая разрушать то, что строилось и укреплялось веками. Проблемы Русской революции в очередной раз не решены, а значит, ещё долго будут востребованы эти типы человека. Ведь в 1990-е годы на место «старых товарищей» («врагов революции») пришли новые господа («революционеры»), которые возродили прежние грехи, в т.ч. привилегированное положение «верхов» и зависимое состояние «низов» (большинства российских людей), оказавшихся в один прекрасный момент за чертой бедности. Революционеры еще ждут своего реванша.

Однако сегодня нам грозит не грядущая революция как таковая, а ещё одна опасность — милитаризация общественной жизни, которая сопутствует нарастанию тоталитарных тенденций. Тот же Бердяев предупреждал потомков об опасности превращения народа в войско [2, 450]. Военная сила, с точки зрения Бердяева, рано или поздно разрушает государство, превращая его в придаток тоталитарного режима, вершиной которого становится безраздельная монополия на власть одной партии. Постепенно мы все становимся людьми во френче. Милитаризация общества ведёт в свою очередь к падению уровня жизни народа.

Н.А. Бердяев надеялся, что русскому народу удастся преодолеть в себе большевизм и другие радикальные взгляды. Он считал, что спасение России находится в руках союзов и корпораций, которые имеют в качестве духовной основы идеи и веру, направленные «против бессодержательного либерализма, против индивидуализма, против юридического формализма» [2, 450]. Старые политические формы (монархия и демократия) изжили себя и требуют замены на более современные формы.

И всё же Бердяев не указывает прямо на модель политического устройства, которую следует строить в современной России, чтобы избежать негативных последствий

революционизма и преодолеть кризис демократии. Критикуемый им идеал буржуазного гуманизма был подхвачен Э. Фроммом и другими западными мыслителями для формирования представлений о «капитализме с человеческим лицом». России же нужна, с его точки зрения, другая идея, которая была бы не связана с религиозной природой русского народа, его аполитичностью и стремлением к Царству Божьему. Отрешенность и равнодушие народа к земным благам, в т.ч. презрение к частной собственности, Бердяев объясняет особенностью русского пути, который лежит между коммунизмом и буржуазными идеями. Причём коммунизм нельзя победить, по его убеждению, буржуазным строем. Но ведь и православие не исчерпывает собой всей религиозности российского человека. И опять же стоит ли переоценивать равнодушие народа к земным благам?

Философ и революция. Оставлю место для представления своего любимого героя — философа, у которого складывается своё глубоко личное отношение к революции, хотя его позиция носит чаще всего отстраненный и критически-рефлексивный характер. Однако бывают и исключения. Лучше всего об этом сказал Н.А. Бердяев: «Я пережил русскую революцию как момент моей собственной судьбы, а не как что-то извне мне навязанное» [4, 226]. Эта тема подробно раскрывается в статье С.А. Смирнова, которая опубликована в данном выпуске [10].

В книге «Самопознание» Н.А. Бердяев описывает свой революционный опыт. «Я, в сущности, в малой степени был политическим революционером, и был мало активен в наших политических революциях. У меня было даже революционное восстание духа против этих революций. Иногда они мне казались духовно реакционными. Я обличал в них нелюбовь к свободе, отрицание ценности личности. Во мне всегда была двойственность, была революционность и были сохранившиеся во мне аристократические инстинкты... Источник своей революционности я всегда видел в изначальной невозможности принять миропорядок, подчиниться чему-либо на свете. Отсюда уже видно, что это революционность скорее индивидуальная, чем социальная, это есть восстание личности, а не народной массы. В моей натуре всегда был бунтарский и протестующий элемент, и он был направлен и против рабства в революции» [3, 110-111].

Пожалуй, с первым аспектом феномена революционности Бердяева я готов согласиться. Я так же не хочу подчиняться чуждому мне миропорядку не принимаю бессмысленность революционного мира и фанатизм революционеров. И я так же, как и он, не обладаю способностью к конформизму. Что же касается аристократизма, то здесь надо еще разобраться. Может быть, он заключается в том, чтобы не воспринимать революцию как религию и не превращать её в профессию, оставаясь аристократом духа. «Профессиональные революционеры переживали безмерно больше, им больше приходилось страдать, но философы обыкновенно вели более спокойную жизнь» [4, 119]. Да это и не нужно философу по призванию.

Но достаточно ли этого, чтобы считать философа революционным человеком и тем более — революционером? Думаю, что нет. Ему гораздо важнее сохранить личностную автономию и развить в себе критическое отношение к проектируемому революционерами будущему. Он должен стремиться, на мой взгляд, к революционности мысли, а не к социальной активности, которая во многом основана на лжи и служении корыстным интересам определенных политических классов.

Но были и те философы, кого можно считать невольными жертвами революции. Они не ходили на митинги, не увлекались революционными идеями, проводя время

в кабинетах или библиотеках над книгами по философии. Накануне Русской революции 1917 г. они мечтали о серебряном веке как о Третьем возрождении и воплощении греческого идеала, который достигается в свою очередь посредством личного преодоления. Эту часть интеллигенции Русская революция затронула по касательной, но так, что им пришлось искать себе другое место жительства. Их обитель духа пришлась не по нраву новой власти. Поэтому одни из них вынуждены были работать под масками, прикрываясь чужими фамилиями. Этих людей можно условно назвать «внутренними эмигрантами». Они жили с ощущением личного предательства и разложения нравственных устоев общества. Они должны были погибнуть, но не погибли. Не случайно М.М. Бахтин так и не закончил статью «О непогибших» [10]. Другие же покинули свою родину в принудительном порядке.

Так уж получается, что значительной части гуманитарной интеллигенции (в т.ч. и философов) время революции становится кошмаром или тяжелым сном, в котором они не находят себя и потому уходят во внутреннюю эмиграцию, отказываясь от авторства и социального признания. Но и там, на чужбине они не смогли адаптироваться и стать своими.

Но не буду заканчивать статью на грустной ноте. Проблема метафизического истолкования феномена революционного человека еще ждет своих исследователей. Не менее интересно рассмотреть также философа в контексте социального проектирования революции. Но это уже тема отдельного исследования.

Сформулирую краткие выводы.

1. Человек не рождается революционным. Он появляется в особую эпоху – время перемен (революционную ситуацию), совмещая в себе функции протеста, эмансипации, активизма (участия), утопизма, деструкции и созидания. Без учета последней функции человека революция не преодолевают уровень обыкновенного бунта.

2. Проект Русской революции не завершен, поскольку не решены фундаментальные проблемы. Каждый раз революция в России перерастает в контрреволюцию, так и не завершив своих преобразований. А значит, революционный человек ещё не выполнил свою миссию и будет возрождаться вновь и вновь, пока не закончит полный цикл революционных событий.

3. О революции следует судить не по декларируемым её субъектами целям, а по тем последствиям, к которым она приводит. Однако для понимания революционности важное значение имеет субъективное восприятие революции (чувство угнетенности, обездоленности, недовольство и пр.). Главный критерий оценки итогов всякой революции – более высокая степень эмансипации человека по сравнению с предыдущим общественным строем, а также объем свободы и справедливости, получаемый им после её свершения. Революция воспринимается обычным человеком чаще всего как несчастье, драма, массовое безумие, хаос и значительно реже – как состояние духовного подъема и торжество социальной справедливости.

4. Революционный человек – фигура исторически проходящая и по-своему трагическая. На смену революционеру-романтику приходит второй эшелон – функционеры (чиновники-буржуа) и контрреволюционеры.

5. Среди деятелей революции следует выделить по характеру участия массовых индивидов, революционных интеллигентов и профессиональных революционеров.

Именно они составляют «тело» революционного человека. Однако было бы неправомерно исключать вторую группу участников революционных событий — «врагов революции», «оппортунистов» и «спонсоров революции», преследующих собственные цели.

6. Любая революция разрушает структуры повседневности большинства людей и изменяет их образ жизни. В качестве критерия оценки человеческого измерения революции автор предлагает показатели качества человеческого бытия, в т.ч. достигнутый уровень развития человеческого потенциала, объем свободы и социальной справедливости, степень творческой самореализации и пр. Общественная система, приходящая на смену старому строю, предлагает свой социально-антропологический тип революционного человека.

7. Философ не является центральной фигурой революции. Чаще всего он находится в стороне от революционных событий, наблюдая за ними со стороны и с позиции критической рефлексии. В революции философы ценят, прежде всего, человеческое и духовное измерение. Их же независимая позиция, как правило, не приветствуется революционными властями и чаще всего служит поводом для внешней или внутренней эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекарев А.М., Пак Г.С. Революция — дело недовольных // Личность. Культура. Общество. 2017. — Том XIX. — Вып. 3-4 (№№ 95-96).
2. Бердяев Н.А. Размышления о русской революции // Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. — М., 1991. — С. 438-465.
3. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). — М.: Книга, 1991. — 448 с.
4. Вехи. Из глубины. — М.: Издательство «Правда», 1991. — 608 с.
5. Ленин В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 26. М.: Изд-во полит. лит., 1969. — С. 209-265.
6. Марсель Г. Опыт конкретной философии / Пер. с фр. В.П. Большакова и В.П. Визгина. — М.: Республика, 2004. — 224 с.
7. Мунье Э. Манифест персонализма: Пер. с фр. / Вступит. Ст. И.С. Вдовиной. — М.: Республика, 1999. — 559 с.
8. Огурцов А.П. Марксизм // Новая российская энциклопедия. Т. X (1). — М., 2012. — С. 452-458.
9. Резник Ю.М. Имперский проект и жизненный мир человека. К экологии со-бытия // Личность. Культура. Общество. 2017. — Том XIX. — Вып. 1-2 (№№ 93-94). — С. 124-144.
10. Смирнов С.А. Философ и революция. К событийности биографий // Личность. Культура. Общество. 2017. — Том XIX. — Вып. 3-4 (№№ 95-96).
11. Троцкий Л.Д. История русской революции: В 2 т. Т. 1: Февральская революция / Общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого; Примеч. В. Иванова. — М.: ТЕРРА; Республика, 1997. — 464 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Bekarev A.M., Pak G.S. Revolyutsiya — delo nedovolnykh // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. — 2017. — Tom XIX. — Vyp. 3-4 (№№ 95-96).
2. Berdyayev N.A. Razmyshleniya o russkoy revolyutsii // Berdyayev N.A. Novoe srednevekovye. Razmyshlenie o sudbe Rossii i Evropy. — M., 1991. — S. 438-465.
3. Berdyayev N.A. Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii). — M.: Kniga, 1991. — 448 s.
4. Vekhi. Iz glubiny. — M.: Izdatelstvo «Pravda», 1991. — 608 s.
5. Lenin V.I. Krakh II Internatsionala // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. 5-e izd. T. 26. M.: Izd-vo polit. lit., 1969. — S. 209-265.
6. Marsel G. Opyt konkretnoy filosofii / Per. s fr. V.P. Bolshakova i V.P. Vizgina. — M.: Respublika, 2004. — 224 s.
7. Mune E. Manifest personalizma: Per. s fr. / Vstupit. St. I.S. Vdoinoy. — M.: Respublika, 1999. — 559 s.
8. Ogurtsov A.P. Marksizm // Novaya rossiyskaya entsiklopediya. — T. X (1). — M., 2012. — S. 452-458.
9. Reznik Yu.M. Imperskiy proekt i zhiznenny mir cheloveka. K ekologii so-bytiya // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. — 2017. — Tom XIX. — Vyp. 1-2 (№№ 93-94). — S. 124-144.

10. Smirnov S.A. Filosof i revolyutsiya. K sobytiynosti biografiy // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. – 2017. – Tom XIX. – Вып. 3-4 (№№ 95-96).

11. Trotskiy L.D. Istoriya russkoy revolyutsii: V 2 t. T. 1: Fevral'skaya revolyutsiya / Obshch. red. i vstup. st. N. Vasetskogo; Primech. V. Ivanova. – М.: TERRA; Respublika, 1997. – 464 s.

Примечания

1. Персонализм, как считает Э. Мунье, должен прийти на смену буржуазно-индивидуалистической и общностной («коллективистской» или социалистической) цивилизации. Он меняет представление о революции и революционном человеке. Первый шаг в революционном переустройстве мира и личного бытия человека заключается, по мнению персоналистов, в утверждении примата духа над материальностью, телесностью и пр. Второй шаг состоит в преодолении негативных последствий индивидуализма и коллективизма, а также в разрешении противоречия между обезличиванием человеческого мира, с одной стороны, и обесцениванием идеи общности, с другой. Этому может способствовать персонализм.

Либерализм, отдавая предпочтение принципу меризма, создал индивидуалистическое общество. «Индивидуализм – это не только мораль, но и метафизика полного одиночества, того одиночества, которое остается нам, когда мы теряем истину, мир и сообщество людей» [7, 40]. Это – образ жизни, который характеризуется не только одиночеством, но и животным эгоизмом, покоящимся на стремлении контролировать свою территорию.

Социализм как течение мысли и общественное движение, предпочитая следовать принципу холизма, породил коллективистское общество, пронизанное ценностями целого. «Значение коллективизма состоит в том, что вот уже в течение длительного времени он ведет борьбу за восстановление утраченной универсальности» [7, 43].

Следовательно, персонализм есть «срединный» путь к раскрытию всех бытийных возможностей человека и, прежде всего, к развитию его личностного потенциала. Он базируется на принципах выхода за собственные пределы понимания (требования принять точку зрения «Другого»), ответственности за судьбу «Другого», умения отдавать себя, делиться с ближним, стремление к верности [3, 480]. Целостная личность вбирает в себя такие измерения, как призвание, воплощение и сопричастность.

Замечательно. Но почему-то мне такая перспектива революции в России кажется теперь неправдоподобной. Может быть потому, что холизм побеждает в соревновании за лучший проект общественного развития. И никакой «срединный» путь не способен примирить между собой две исконно враждующие стороны – «индивидуалистов» и «коллективистов». Другая линия разногласий продолжает спор между «западниками» и «почвенниками», который длится уже два века.

Увы, персонализм так и не стал альтернативой индивидуализму и коллективизму. Вот почему так трудно идёт процесс институционализации гражданского общества в России, которое базируется на признании прав и свобод личности, в т.ч. права на поддержание её личного достоинства. У нас так и не сложилась система поддержки малых форм предпринимательства, которые составляют социальную базу данного общества.

2. Если судить по последним событиям, то ныне мы возвращаемся к эпохе холодной войны и характерной для неё идеологической конфронтации. Вот только информационная и экономическая изоляция нашей страны связана уже не с противоборством двух мировых систем, а с противоречиями внутри одной миро-системы. У каждой такой системы есть своя историческая миссия, которая мобилизует массы, направляет их на великие свершения. Но беда в том, что мы оказались между системами и попали тем самым в исторический разлом. Российское общество выпало из движения цивилизаций, оказавшись в ситуации «между». Насколько долго мы продержимся, неизвестно.

3. Приведу полную цитату из работы В.И. Ленина «Крах II Интернационала»: «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, *признаки революционной ситуации?* Мы, наверное, не ошибемся, если укажем следующие три главных признака:

1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому.

2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов.

3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению.

... Не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется *субъектив-ная*, именно: присоединяется

способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правитель-ство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упа-дет», если его не «уронят» [4, 218-219].

4. Думаю, что другого, более удачного языка, чем марксизм, для описания феномена классической революции пока не придумали. Ведь выражения «революция роз» или «революция достоинства» характеризуют широкий класс цветных революций, которые используются как политические технологии для свержения негодных режимов.

5. Так, по мнению Н.А. Бердяева, в результате Русской революции появился новый антропологический тип – «молодой человек в френче, гладко выбритый, военного типа, очень энергичный, дельный, одержимый волей к власти и проталкивающийся в первые ряды жизни, в большинстве случаев наглый и беззастенчивый» [2, 458]. Он является полной противоположностью старого революционера-интеллигента и заявляет о себе как новый хозяин жизни, строитель будущей России. Он не служит государству и народу, а прислуживает вышестоящему начальству. Бердяев пишет о нем как о новом русском буржуа, который не имеет национальности. А его дети, т.е. нынешние руководители всех уровней, станут уже вполне солидными и респектабельными буржуа. Никого вам, уважаемые читатели, это не напоминает?

6. По аналогии с этим делением, эпоха «белых» в революции (революционеров-романтиков и мечтателей) сменяется временем господства «серых» (бездумных исполнителей), на смену которым приходят «черные» – кровавые мясники и садисты, которые ввергают страну в состояние ужаса. Об этом предупреждали Аркадий и Борис Стругацкие. «Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные. Эх, историки, хвостом вас по голове...» (Стругацкие А. и Б. Трудно быть богом. Повесть. 1964 г. См.: <http://www.rulit.me/books/trudno-byt-bogom-read-102034-1.html>; дата обращения – 25.05.17).

7. Мне приходилось описывать ещё два типа деятеля – социопата и психопата. Первый убежден в том, что надо постоянно перестраивать мир, чтобы улучшить собственное положение, второй предпочитает изменять себя, сосредотачивая внимание на внутренних проблемах и проявляя безразличие к окружающему. Между ними располагаются «промежуточные» типы: психосоциопат (ближе к социопату) и социопсихопат (ближе к психопату), к которым относится большинство людей. Крайние типы (социопат и психопат) сравнимы, с моей точки зрения, с участниками двух видов революций Э. Мунье – общностной и индивидуалистической. Так, Американская революция стала, в конечном счете, индивидуалистической, а Русская 2017 г. – общностной.

А.М. Бекарев и Г.С. Пак приводят авторскую типологию участников революции. «Революция, по мнению авторов, представляет собой единство двух течений: интеллигентского, предлагающего проект будущего и народного, обладающего не только сокрушительной, но и созидательной мощью. Революционер – не бунтарь и не интеллигент. Это бунтарь и интеллигент делают друг друга революционерами» [1]. Авторы предлагают идею участия в Русской революции трех революционных сил – недовольных народных масс (мятежников), интеллигентов (недовольные великие личности) и революционных писателей и поэтов (группа, объединяющая усилия первой и второй силы – недовольные «подстрекатели»). Думаю, что не стоит исключать из числа интеллигентов писателей и поэтов, называя их «подстрекателями». Да и народные массы относить целиком к мятежникам тоже не стоит. Но это моё личное мнение.

А может быть в характеристике участников революционного процесса больше подходит типология Р. Мертона? Однако, среди типов, описанных американским социологом, авторы выделяют лишь мятежника, который, с их точки зрения, всегда и всем недоволен. Но его вторая ипостась заключается, по мнению авторов, в проектировании будущего. Как-то невольно получается, что в мятежнике сочетаются качества бунтаря («разрушителя») и проектировщика («созидателя»). Первый – это своего рода «народный мститель», этакий нигилист-самородок, которому всё и всегда не нравится, а второй – интеллигент, носитель проекта будущего, знающий, что и как надо делать. Каждый из них в отдельности не может быть полноценным революционером. Но, соединяясь друг с другом каким-то причудливым образом, они порождают фигуру революционера. Между ними имеется фигура посредника – «подстрекатель». Это – поэты, писатели и публицисты типа Н.Г. Чернышевского и А.И. Герцена. Они-то и есть главные виновники. Следуя авторской логике, без них нельзя зажечь костёр революции.

Авторы затрудняются ответить на вопрос, как их изображать в истории. Думаю, что сами историки разберутся в этом. Но только, кроме народного и интеллигентского течений, есть еще одна сила – профессиональные революционеры, которые в отличие от мятежников, готовы идти дальше: устраивать переворот, захватывать власть и строить новую государственность, разумеется, на обломках старой. Их цели, как правило, всегда оправдываются средствами. И им, на мой взгляд, принадлежит ведущая роль в революции, а не каким-то «подстрекателям». Это они организуют народные массы и используют для своих целей идеи и проекты, предложенные интеллигентами.

8. Приведу цитату из А. и Б. Стругацких. «Никакое государство не может развиваться без науки – его уничтожат соседи. Без искусств и общей культуры государство теряет способность к самокритике, принимается поощрять ошибочные тенденции, начинает ежесекундно порождать лицемеров и подонков, развивает в гражданах потребительство и самонадеянность и в конце концов опять-таки становится жертвой более благоразумных соседей. Можно сколько угодно преследовать книжечеев, запрещать науки, уничтожать искусства, но рано или поздно приходится спохватываться и со скрежетом зубным, но открывать дорогу всему, что так ненавистно властолюбивым тупицам и невеждам.

И как бы ни презирали знание эти серые люди, стоящие у власти, они ничего не могут сделать против исторической объективности, они могут только притормозить, но не остановить. Презирая и боясь знания, они все-таки неизбежно приходят к поощрению его для того, чтобы удержаться. Рано или поздно им приходится разрешать университеты, научные общества, создавать исследовательские центры, обсерватории, лаборатории, создавать кадры людей мысли и знания, людей, им уже неподконтрольных, людей с совершенно иной психологией, с совершенно иными потребностями, а эти люди не могут существовать и тем более функционировать в прежней атмосфере низкого корыстолюбия, кухонных интересов, тупого самодовольства и сугубо плотских потребностей. Им нужна новая атмосфера – атмосфера всеобщего и всеобъемлющего познания, пронизанная творческим напряжением, им нужны писатели, художники, композиторы, и серые люди, стоящие у власти, вынуждены идти и на эту уступку.. А затем приходит эпоха гигантских социальных потрясений, сопровождающихся невиданным ранее развитием науки и связанным с этим широчайшим процессом интеллектуализации общества, эпоха, когда серость дает последние бои, по жестокости возвращающие человечество к средневековью, в этих боях терпит поражение и исчезает как реальная сила навсегда» (Стругацкие А. и Б. Трудно быть богом. Повесть. 1964 г. См.: <http://www.rulit.me/books/trudno-byt-bogom-read-102034-1.html>; дата обращения – 25.05.17).

9. Я сознательно ухожу от принятых классификаций революций, имея в виду революции новейшего времени (XIX-XX вв.). Например, принятое в советский период деление на буржуазные, социалистические, национально-освободительные и прочие революции, на мой взгляд, устарело. Каждая революция несёт в себе потенциал либеральности (приоритет индивидуальной свободы), социалистичности (реализация принципа социальной справедливости) и националистичности (учёт особенностей национально-государственного устройства). Русская революция 1917 г. на начальной стадии полностью соответствует этим показателям, поскольку программы всех революционных партий того времени содержали близкое по смыслу обоснование социального и национального вопросов. При этом они выражали сходное отношение к институтам собственности и власти. Однако возобладали одна из тенденций и власть захватили большевики. С этого момента революция исчерпала свои возможности и наступил этап контрреволюции.

Поступила в редакцию 22.08.17 г.